

ЮЛЯ АРТЕЕВА

18+

Проснись

Иногда, чтобы все
разрушить, нужна не глупость,
но смелость

Юля Артеева
Проснись
Серия «Школьное стекло»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73991432

Проснись:

ISBN 978-5-17-168022-0

Аннотация

Ксюша Войнова злится на весь окружающий мир и доверяет только лучшему другу, потому что лишь рядом с ним чувствует себя в безопасности. Саша Чигарев страдает от ночных кошмаров и неразделенной любви к своей подруге. Они стараются оставаться самыми близкими друг для друга, но этого уже недостаточно. Как минимум для одного из них. Саше и Ксюше обоим придется проснуться, и никто не знает, насколько это окажется болезненным для пары лучших друзей.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	38
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юля Артеева

Проснись

Маффину, ее Жеке и их плюс один

© Артеева Ю., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

Ксюша

Если хотите знать, ноябрь – самый отвратительный месяц из всех существующих. Кому вообще хочется жить в ноябре? Все серое, грязное, грустное. Рукой пошевелить и то сложно, не говоря уже о том, чтобы улыбнуться.

Вот и сейчас я сижу на лавочке и мрачно изучаю пятиэтажку напротив, через пруд от меня. Словно специально рассветное солнце нехотя выглядывает из-за домов и окрашивает в ярко-желтый цвет один-единственный балкон. Но на фоне потертой стены и других уставших окон, этот балкон смотрится скорее нелепо, как золотой зуб во рту у цыганки.

Верчу крупное железное кольцо на озябшем тонком пальце и отодвигаю руку подальше, чтобы взглянуть на украшение. Там написано «sad but sexy», и оно мне очень нравится. Я посмотрела в интернете и у меня чуть глаз не выпал от того, сколько оно стоит. Не знаю, сколько Сашке пришлось работать, чтобы сделать мне такой подарок. Зато теперь, каждый раз, когда смотрю на руку, мне становится тепло от мысли, что друг меня настолько любит и ценит.

Убираю руки в карманы куртки и передергиваю плечами.

Холодно и зябко сегодня. Ноябрь, чтоб его.

– Привет, Булка, – слышу низкий голос справа.

– Привет, Сань.

Голос у него сломался очень рано, еще лет в одиннадцать. Но вот таким, чуть ленивым, он был всегда. С детства говорил так, как будто через силу.

– Что случилось? – он присаживается рядом со мной. Только не на скамейку. Он садится на спинку, а ноги ставит рядом со мной.

Бросаю на него недовольный взгляд, а потом снова смотрю на дом напротив.

Говорю:

– Тут люди сидят в чистых куртках.

– А у меня очень чистые ботинки.

– Ага, видела я, где ты ими ходишь.

– В твоём сердечке? – Саня по-хулигански улыбается и убирает длинные волосы ото лба назад.

Я саркастически закатываю глаза:

– О да, Чига, люблю тебя, не могу! И твои чистые ботинки.

Он прикладывает одну руку к груди, а другую ко лбу и страдальчески морщится. Говорит театрально:

– Как бы я хотел услышать эти слова, но без яда в твоём голосе!

Пока я качаю головой и снова разглядываю золотой балкон в доме напротив, Саня резко перестраивается. Достает из кармана хрустящий крафтовый пакет и протягивает мне:

– Держи. Может, настроение поднимет.

Аромат свежей булочки, даже запертой в бумаге, тут же достигает моего носа. Рот наполняется слюной, а я действительно почти готова улыбнуться.

Хватаю подарок, разворачиваю и впиваюсь зубами в свежее тесто. Пережевывая, говорю:

– Спасибо, Чига.

– Да, – ворчит он, – то иди на хрен, то спасибо, Чига. Так что у тебя случилось?

Сосредоточенно жую, глотаю. Откусываю снова, опять жую, глотаю. Совершая механические движения, совсем ничего не чувствую. Кроме сладости теста и корицы. Саша не торопит, достает из кармана пачку сигарет и вертит в пальцах.

Я наконец говорю:

– Мама беременна.

Всего два слова, но они даются мне катастрофически сложно. Зажав тремя пальцами остатки булочки, оставшиеся двумя снова кручу свое кольцо. Мир вокруг, и до того серый, приобретает еще более приглушенные цвета.

Прислушиваясь к себе, понимаю, что мне не больно и не страшно, как я посчитала сегодня утром, когда только узнала. Не ревностно. Не беспокойно. Никак. Мне абсолютно никак.

– Ого, – говорит Саша.

Я киваю. Это действительно «ого». А что тут еще ска-

жешь? Снова кусаю булочку. Моя любимая, с корицей. В жизни ничего вкуснее не пробовала.

Говорю:

– Да по сути, ничего страшного.

– Поэтому ты сидишь тут уже сорок минут?

– Сань, – говорю вяло, но с претензией на строгость, – не сорок.

Он прикладывает к моему носу костяшки пальцев:

– Тридцать пять? Нос холодный.

– Значит, здорова, – хмыкаю я.

– Вроде должен быть еще и влажный.

– Сморгнуться тебе в руку?

Саша достает сигарету:

– Сочту за честь.

Я недовольно морщусь, глядя на дым, который он выдыхает в серое небо.

Говорю:

– Фу, Чига, воняет. Волосы мне опять испортишь.

Саня игнорирует. Большим пальцем чешет свой прямой нос, снова затягивается. Я смотрю на его красивый греческий профиль. Он поворачивает голову, ловит мой взгляд, подмигивает. Спрашивает:

– Нравлюсь?

Смотрю на него без всякого выражения. Ничего внутри не ворочается, не откликается, тихо там. Никаких эмоций.

Саня меня знает, поэтому ответа не ждет, снова становит-

ся серьезным и уточняет:

– А от кого?

– От последнего.

– От последнего, который еще действующий? Или это предыдущий?

– Действующий. – Комкаю крафтовый пакет и швыряю в урну, но промахиваюсь. – Любитель подглядывать.

Зажав сигарету губами, Саня поднимается и идет к комку бумаги на асфальте, подбирает и прицельно кидает в мусорку. Выдыхает дым, смотрит на меня, сощурившись:

– Лешка-звездочет? Будет батей твоего братика?

– Или сестрички.

Солнце скрывается за тучей, и золото пропадает с лица дома напротив. Цыганка смыкает губы и перестает обещать светлое будущее, только сулит неприятности.

– Слушай, ну зато она в завязке будет, – говорит Саша.

Я поправляю шапку-бини и отмахиваюсь:

– Да мне их тусовки до одного места. Думаешь, она теперь резко святой станет?

– В прошлый раз же стала.

Молча смотрю на друга, приподнимаю правое плечо в неопределенном жесте. Я обсуждать эту тему не очень люблю, стыжусь своих эмоций.

Чигарев тушит сигарету о бортик урны, высекая искры, и выкидывает бычок. Снова убирает волосы с лица. Я подпираю подбородок ладонью и говорю:

– Ты когда подстрижешься?

– Когда ты мне дашь, – хмыкает он, недвусмысленно улыбаясь.

– Ну, ходить тебе косматым до конца жизни.

Саша смеется, подходит ко мне и упирается кроссовкой в бортик лавки. Наклоняется и дергает за металлическое кольцо на моей шапке.

Говорит:

– Ни капли сочувствия.

– К чему? К твоим гормонам?

Чига картинно пошатывается, приложив руку к груди. Патетично восклицает:

– Ксю, жестокая ты женщина! Я ужасно оскорблен. И мои гормоны тоже.

Не выдержав, я улыбаюсь. Выпустив наружу легкий смешок, качаю головой:

– Ну ты и клоун.

– Какой есть, Булка. Может, пойдем? Замерзнешь.

– Давно уже.

– Да, лет семнадцать как, – бормочет Саня и протягивает мне руку.

Я встаю с лавочки и снова ежусь. Чига натягивает мне на голову капюшон и, удерживая его двумя руками, спрашивает:

– Ксюх, а если серьезно, ты как?

– Ровно.

Он кивает, не отпуская меня. Смотрит, как будто до самого нутра добраться хочет. Взгляд встречаю покорно и, как всегда, вяло. Пусть хоть на жилы меня разберет, все равно.

– Паршиво будет, если они поженятся, но переживу как-нибудь. Ну, замок еще один в ванную поставим, – улыбаюсь другу, – поможешь?

– Да хоть десять, – Саня тоже мне улыбается и отпускает мой капюшон, – погнали?

Киваю и беру его под руку. К школе идем годами отточенным путем. Огибаем пруд, проходим мой дом, дворы-дворы, потом через сквер, и вот оно, серое здание, которому давно уже нужен ремонт, как и всему нашему району. Иногда хочется, как в компьютерной игре, навести курсор на наши улицы и дома и щелкнуть так, чтобы они преобразились. Как будто это может и нас изменить.

Сашка восторженно рассказывает мне о новом сериале, детально описывая сцены, которые ему особенно понравились. Киваю, иногда смеюсь, слушаю с интересом. Чига хорошо разбирается в кино, потом смотреть интереснее, когда знаешь, на что обращать внимание.

Оборвав себя на полуслове, он кивает в сторону и говорит:

– Смотри, новый.

Слежу за его взглядом и фыркаю, глядя на яркую вывеску «Мангозин».

Говорю со смехом:

– Обожаю!

– Запишешь?

– Конечно, такого у нас еще нет.

Достаю телефон и открываю заметку, к которой есть доступ у меня и у Сани. Туда мы собираем названия магазинов, которые веселят нас своей якобы креативной задумкой. Не то чтобы я смогла придумать что-то лучше, если бы передо мной стояла такая задача, но хихикать над другими в любом случае приятно. Вот Саня бы смог. У него голова как будто к космосу подключена.

– Скоро станет совсем холодно для твоих юбок, – Чига кивает на мою красную клетчатую юбку в складку.

– Для них никогда не холодно.

– Разве что в шерстяных трусах. У тебя шерстяные? Как белый оренбургский платок.

– Ценю твой креативный подход при попытке узнать цвет моего белья, Чига.

Друг смеется, чуть запрокинув голову, а я, проследив за тем, как движется его кадык, смотрю, как он веселится. Сколько бы мы ни отвечивали спорных шуток по поводу наших отношений, с Саней я всегда чувствую себя в безопасности. В моей жизни это очень ценное ощущение.

– У юбки такая длина, что цвет твоего белья вся улица видит. Нашла, блин, секрет.

Он говорит беспечно, но тем не менее берется за край теплого бомбера и дергает куртку вниз.

Хмыкаю и ничего не отвечаю. Чигарев вечно стебет меня

за внешний вид, привыкла уже. Да и, если честно, мне все равно.

..-.-...- — .... - ..- /
-.-.-. - ....- - /
..-.. - -

Мы поднимаемся на крыльцо школы по узким длинным ступеням, прикладываем карты и проходим через «вертушку».

– Ксюш! – слышу оклик сбоку.

Повернув голову, вижу Макса Назарова из параллельного. Наш школьный красавчик. На внешность сладкий настолько, что аж зубы ноют. Стоит с друзьями, привалившись плечом к стене. Вызывающе самоуверен.

Я вопросительно приподнимаю брови, не прекращая движения.

Он, повысив голос, бросает мне:

– Ножки – огонь!

Я высовываю язык и провожу по нему средним пальцем, который затем демонстрирую Максу. Он начинает хохотать, а я отворачиваюсь и этой же рукой шлепаю себя по ягодице.

– Войнова, я тебя поймаю когда-нибудь! – кричит Назаров мне вслед.

Саня дергает подбородком и неодобрительно замечает:

– Зря ты его провоцируешь.

– Обожаю провокации.

– Да это я как раз знаю, Булка. Просто переживаю.

Скидываю куртку и впечатываю ее другу в грудь:

– Поседеешь за меня беспокоиться.

– Да, – он закатывает глаза и идет в раздевалку, – с пятого класса крашу волосы.

Не знаю, почему он сказал именно с пятого, потому что во все мои неприятности Саня впрягается с первого. Нам было по семь, когда он повалил на пол Колю Заболотного и остервенело лупил его маленькими кулаками, пока учительница не оттащила Чигу за шкурку.

Тогда Коля, конечно, был виноват. Двинул мне учебником по лицу, и у меня из носа пошла кровь. Но это я изводила его все сорок минут урока, а кровотечения у меня бывают часто – слабые сосуды.

– Готова к диктанту? – спрашивает Саня, когда мы поднимаемся по лестнице.

Я постукиваю себя пальцем по виску:

– Эта голова всегда готова к диктанту.

– Ну, значит, и я в полной боевой.

– Сто проц. Но с тебя геометрия.

– Да знаю. Схема-то отработана.

Я киваю. А потом вдруг спрашиваю:

– Помнишь Колю? Заболотного.

– Конечно. Он после пятого в соседнюю школу перевелся, но мы в одну качалку с ним ходим, и на районе он мелькает. А что?

Я пожимаю плечами:

– Да ничего. Просто. Вспомнилась ваша драка в первом классе.

Чига поворачивается на меня и молча смотрит в лицо своим цепким взглядом.

Я ежусь:

– Рентгеном не хочешь подрабатывать? Иногда так посмотришь, оторопь берет.

Он не отвечает, только тянет меня за локоть и заставляет поменяться с ним местами, чтобы я шла ближе к стене. А сам смотрит вниз между перил и бросает туда:

– Назар, побереги глазки.

На что Макс отзывается снизу своим фирменным развязным смехом. Я качаю головой и верчу на пальце крупное кольцо.

Замечаю:

– Нет там ничего такого, что я бы берегла.

– Что, даже не будем устраивать конкурс, кто первым должен сорвать твой цветочек?

– Репейник придорожный, – хмыкаю.

Мы доходим до четвертого и прежде, чем пройти на этаж, Чига берет меня сзади за шею, заставляя замереть рядом с собой на лестничной клетке.

Наклоняется и тихо говорит:

– Бедовая ты, Ксюха. Я твой репейник себе заберу, если ты им раскидываться так собралась.

Я выкручиваюсь из его хватки и иду вперед.

Говорю:

– Бесит твоя самоуверенность, Чига.

Класс уже открыт, я захожу, здороваюсь с одноклассниками и сажусь за нашу с Саней парту. Первый ряд, четвертая. С семи лет там сидим, за эту возможность Сашке тоже пришлось повоевать.

Достаю из рюкзака пудреницу, поправляю черный карандаш, который поплыл на нижнем веке, пальцами прочесываю свои розовые волосы. Позавчера обновила цвет, так что они выглядят очень яркими. Как я люблю.

Чига обходит друзей, со всеми смеется, что-то обсуждает. Наш «Мистер Общительность».

Наконец садится рядом, достает какие-то ручки, не смотрит на меня. Чига часто вот так отстраняется, когда я его допекаю. Но ничего, он отходчивый, нужно будет просто подождать.

Заходит русичка, и все нехотя расходятся по своим местам. Все, кроме Сани. Он сидит на парте, раскинув колени в стороны, смеется над какой-то шуткой Пашки Смольникова.

– Доброе утро, одиннадцатый «А». Как вы помните, у нас сегодня диктант.

Мы коллективно стонем. Она раскладывает на столе тетради и с сарказмом сообщает:

– О да, я тоже этому событию безумно рада!

Саня снова хохочет, хлопнув себя по коленям. Антонина Петровна упирается кулаками в стол и рявкает:

– Так, Чигарев! Сними свою пятую точку с парты и усади ее на стул!

Саня наконец реагирует и садится как положено, изображая вселенскую скорбь.

Говорит:

– Вы гасите мою индивидуальность, Антонина Петровна. Боюсь, теперь я плохо напишу диктант.

Русичка застывает на нем взглядом, тяжело вздыхает:

– Чигарев, если бы ты не был таким умненьким, за свои выходки уже давно вылетел бы отсюда к чертовой матери.

– То есть, к моей? – беспечно уточняет Чига.

– Сядь и замолчи уже Христа ради! Не знаю уже, каких богов к тебе призывать!

– Так вы к бесам обращайтесь, у меня с ними коммуникация лучше налажена, – ухмыляется Саня.

Я хмыкаю. Чига знает, что русичка из наших самая стойкая, он всегда ходит по краю, но обычно знает, когда нужно остановиться.

И сейчас они точно продолжили бы спорить, но дверь в класс вдруг открывается, и заходит девчонка. Не дожидаясь разрешения, она сразу проходит к доске и там останавливается.

Антонина Петровна бросает на нее только быстрый взгляд и продолжает листать свои пособия. Говорит:

– Ну, что ж, лучше поздно, чем никогда, Елизавета. Поздравляю, это ваша новенькая, которую вы все с сентября

ждали. Вишнякова Лиза.

Я ощупываю ее быстрым взглядом. Короткая черная юбка в складку перехвачена массивным ремнем под кроп-топом. Ее волнистые темные волосы лежат на плечах, а такие же темные глаза пытливо изучают наш класс. Ни капли стеснения, сплошной гонор. Мне хватает двух секунд, чтобы решить, что она мне не нравится. Очень.

– Вот это тьянка, – медленно проговаривает Саня.

– Терпеть не могу этот идиотский сленг, – говорю, дернув плечом.

– А есть хоть что-то, что тебя во мне не раздражает?

Тон какой-то непривычно злой, и я недоуменно поворачиваюсь к другу:

– Чего?

– Все утро кусаешься.

– Я всегда кусаюсь, Чига, – огрызаюсь, кажется, грубее, чем следовало бы.

Смотрим друг на друга, нахмурившись. Взгляд его карих, с зелеными вкраплениями, глаз, как обычно, пытается пробиться мне внутрь. Но, боюсь, там все намертво выморожено. Он должен это знать.

Саня щурится и усмехается. Ложится на парту, наблюдая за тем, как новенькая идет по проходу. Тихо говорит, чтобы услышала только я:

– Не знаю, почему ты злишься. Девчонка объективно симпатичная.

Я криво улыбаюсь. Смотрю, как Вишнякова садится за парту перед нами, как Саня подпирает подбородок ладонью, как разглядывает ее голую спину, когда она наклоняется, чтобы поправить шнурки на ботинках.

И вдруг понимаю, что мне неприятно.

Чувство странное. Какое-то темное и кусачее. Я прикладываю ладонь к солнечному сплетению, как раз туда, где изнутри меня как будто прихватывают зубами. Настороженно замираю.

Потом снова улыбаюсь. Обеими руками заправляю розовые волосы за уши и берусь за ручку.

Ложная тревога. Пусть знакомятся, общаются, дружат. Пусть даже мутят, если захотят. Мне все равно.

Смотрю на Антонину Петровну и концентрируюсь на том, что она уже диктует первое предложение. И своим круглобоким почерком начинаю за ней записывать. Хорошо, что напрягаться при этом особо не приходится, вроде бы это называется «врожденная грамотность». Спросите меня о правилах, в жизни не вспомню. А если расслабиться и просто писать – ни одной ошибки не сделаю.

Краем глаза вижу, что Чига стреляет взглядом в мою тетрадь. Ну конечно, обиды обидами, а списывать ему больше не у кого.

Могла бы отгородиться от него, но я же не сволочь. Подумаешь, порычали друг на друга. Моя старшая сестра говорила, что транслировать злость всегда проще на того, кто

ближе. Не то чтобы я сильно ей доверяла, но звучит вроде бы логично. Да и Вероника учится на психолога, что-то им там, наверное, все-таки объясняют о том, как люди устроены. Лучше бы рассказали, как не быть предателем, может что и поняла бы.

Чига толкает меня локтем, и я понимаю, что зависла стержнем ручки над тетрадью, и давно уже ничего не пишу.

Поспешно говорю:

– Антонина Петровна, а что там после «клонились к воде»?

– Войнова, я не заметила, чтобы ты выходила два предложения назад.

Я обворожительно улыбаюсь:

– Я отвлеклась. Проверяла предыдущее на ошибки. Ну пожа-а-алуйста!

Русичка вздыхает, устало трет лоб пальцами и быстро диктует мне то, что я пропустила. Одного раза мне достаточно, чтобы записать без ошибок. Саня строчит за мной, а я стараюсь скрыть победную улыбку. Всего-то нужно было соорудить жалобную мордочку.

Когда мы заканчиваем, я забираю у Чигарева тетрадь, отношу ее вместе со своей на учительский стол и возвращаюсь.

Все мои мышцы напрягаются, губы сжимаются, брови против моей воли сходятся на переносице. Потому что Чига – ну разумеется! – болтает с новенькой.

Ладно, похоже, мне придется приложить чуть больше уси-

лий, чтобы ее терпеть.

Забираю с парты свою ручку, наклоняюсь к рюкзаку на полу и слышу:

– Ксюх, это Лиза.

– На память и слух не жалуюсь.

Разгибаюсь и ловлю на себе насмешливый взгляд черных глаз, что моментально зажигает во мне раздражение.

Вишнякова закидывает ногу на ногу и говорит:

– Ауч, какая колючая. Прямо вся болит.

– Что, прости? – изображаю вежливую улыбку.

– Да так, ничего.

Чуть подаюсь вперед, опираюсь на парту костяшками пальцев, вкрадчиво говорю:

– Раз ничего, тогда ротик прикрой.

Я жду чего угодно. Грубости в ответ, трусости, защитного юмора. Но она вдруг заходится громким смехом. Это, честно говоря, обескураживает. Долгие секунды я не могу взять себя в руки, а просто смотрю, как эта смуглая девчонка хохочет. Надо мной!

– Характер не только в каждой фразе, но еще и в фамилии, – говорит она, показательно утирая несуществующие слезы, – класс.

Не нахожу ничего лучше, как злобно бросить:

– За своей фамилией следи.

– Она цыганская, – беспечно отвечает Вишнякова и встает, – покажете, где следующий урок?

– Да, погнали, – говорит Чига и заставляет меня задохнуться от возмущения.

Серьезно? Может, еще дружить втроем станем?

Закидываю рюкзак на плечо и говорю:

– Идите.

– Ксюх.

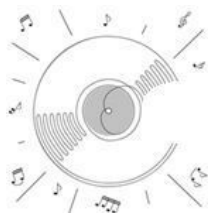
– Я в туалет, – бросаю через плечо, уже двигаясь к выходу из кабинета.

– Ксюх!

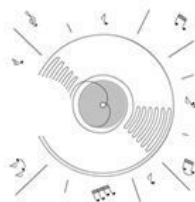
– Что?! Пописать нельзя?! – рявкаю.

На ходу достаю наушники и дерганными движениями распутываю провода. Бесит, что вечно собираются в клубок намертво. Бесит!

Наконец справляюсь, и все окружающие звуки тонут в музыке, которую я врубаю на максимальной громкости. Беззвучно повторяю вслед за текстом: «Ты мне руку протяни, сколько там тебя осталось? Тает огонек в тени, ты как свечка угасаешь».

Polina Offline – Сверхка

Закрываюсь в кабинке и прислоняюсь спиной к стене, исписанной признаниями в любви и оскорблениями примерно в равных пропорциях.

Прикрываю глаза и отвлекаюсь на трек. Пальцами выстукиваю ритм по бедру, обтянутому тонким черным капроном. Выгоняю из головы все мысли. И в конце концов достигаю такого дзена, что, когда в дверь кабинки стучат, я испуганно вздрагиваю. Отодвигаю защелку и открываю, готовая окатить ледяным презрением какую-то зарвавшуюся школьницу. Но там стоит Чига.

Он берет меня за плечо и притягивает к себе. Прислоняюсь щекой к его груди и вздыхаю. Бормочу тихо:

– Это вообще-то женский туалет.

– Когда я тебе волосы держал на прошлой новогодней дискотеке, ты не была такой принципиальной.

Игнорируя справедливое замечание, спрашиваю:

– Лиза там твоя не заблудится?

– Уж найдет как-нибудь. Булка, ну ты чего?

– Взбесила она меня.

– Мы ее не знаем, – резонно замечает Саня.

– А я и не хочу. Ты делай что хочешь, раз понравилась.

Он берет меня за плечи, отодвигает и заглядывает мне в глаза:

– Ревнуешь, что ли?

Говорю укоризненно:

– Чига, даже не начинай.

– А что за реакция тогда?

– День сложный. Забыл?

Он снова притягивает меня к себе и успокаивающе гладит по спине. Я закрываю глаза и дышу, прислушиваясь к его сердцу. Все кажется таким знакомым: и запах, и ощущение его тела рядом. И правда, почему я разозлилась?

– Не забыл, Ксю, – он вздыхает и говорит, – я всегда буду рядом, когда будет нужно.

– Спасибо.

Отстраняюсь и отхожу, чтобы, глядя в мутное зеркало, поправить макияж. Пальцами взбиваю волосы у корней и говорю:

– Но она тебе понравилась?

– Она зачетная, – Саня пожимает плечами.

– Ладно. Мне на твоих телок параллельно.

В отражении вижу, что Чига смотрит на меня исподлобья, уперевшись плечом в стену. Выразительно хмыкает и отводит взгляд.

Я поправляю футболку, которая завязана узлом над поясом юбки. Зависаю на секунду, думая о том, что наш стиль сегодня очень схож с новенькой. Надеюсь, это случайность, которую я завтра исправлю.

– Идем? – спрашиваю излишне бодро.

Саня согласно кивает и приглашает меня к выходу жестом, который в старом школьном туалете выглядит сильно неуместно.

Я прыскаю от смеха:

– Ну джентльмен!

-. . . . / . . . . - . - /

- . . . - . -

На геометрии Саша решает оба варианта самостоятельной работы – и свой, и мой. Я не знаю, может, Чигареву нужно ракеты строить? Он вообще не учится, крайне редко делает домашку, прогуливает, дерзит учителям, но все схватывает на лету. Разве это не признак какой-то странной гениальности? Или хотя бы суперспособности.

Хорошо, что хоть с русским языком ему нужна моя помощь, иначе он был бы идеальным.

После звонка я вижу, как Вишнякова оборачивается и выжидающе смотрит на Саню, но он складывает учебник в рюкзак, а потом касается моей руки и говорит:

– Идем есть?

Улыбаюсь и выворачиваю кисть, чтобы благодарно сжать его пальцы. Киваю и иду за Сашей на выход, а краем глаза вижу, что новенькая провожает нас взглядом. Съела, цыганка?

Но за моей спиной она снова смеется. И даже не издевательски, а искренне весело. От неожиданной реакции у меня аж холодок бежит по спине. Я догоняю Саню и говорю:

– Она меня не проклянет?

– В смысле?

– Ну, – я бросаю на него робкий взгляд и понижаю голос, –

она же цыганка.

Чига хохочет, потом обнимает меня за плечи и целует в макушку. Говорит ласково:

– Дурочка.

– Ну что?

– Да не ведьма же она, Булка, что ты несешь, – тут Сашка ухмыляется, – или так не хочется, чтоб я с ней замутил?

Вспыхнув от возмущения, отталкиваю его от себя и уско-
ряю шаг.

Говорю:

– Ты баран, Чигарев. Хоть обмуться, если тебе так хочется. Порадуй свои гормоны.

– У-у-у, – басит он сзади, – а чего взбесилась-то?

– Да ведешь себя как придурок. Давно не было ничего? Недели три прошло со вписки у Смольникова? Пора бы уже!

Чига хватает меня за плечо, заставляя остановиться, и мы замираем посреди коридора друг напротив друга. Он руку не убирает, держит меня, а мне хочется сбежать поскорее, потому что не уверена, что выдержу его сотый по счету пронизывающий взгляд. Отворачиваюсь и выравниваю дыхание.

– Тебе кто об этом рассказал?

– О том, что вы с Катюшей в ванной закрылись, и туда попасть никто не мог? Это разве секрет? – спрашиваю безразлично.

– Ксюх.

Я смотрю ему в глаза и проговариваю ровно:

– Чига, последний раз говорю – мне на твои мутки на-срать. Ты мог и не дожидаться, когда я домой с этой тусовки уйду, мы с тобой не женаты. И никогда не будем. Понял?

На контрасте с собственным равнодушием, я острее вижу боль, которая отражается на лице друга. Он убирает руку с моего плеча и отвечает:

– Понял.

– Слушай, – я вздыхаю, – извини.

– Нет, все в порядке. Сложный день, я помню. Займи очередь в столовке, я сейчас подойду.

– Сань...

Но он даже не оборачивается, широким шагом уходит от меня по коридору. Я беспомощно смотрю ему вслед. Господи, да что со мной такое? Новость о маминой беременности выбила меня из колеи, но не настолько же! Это ведь Чига. Мой Чига. Самый близкий друг. Мы часто спорим и ругаемся, но именно сегодня все как-то... неправильно. Зачем я вообще ему эту Катю припомнила?

– Тревожишься? – раздается у самого моего уха.

Я дергано разворачиваюсь, чтобы напороться на насмешливый взгляд черных глаз. Черт бы ее побрал.

– Тебе больше всех надо, я не пойму? – спрашиваю, вцепившись в ляжку своего рюкзака.

– Да я помочь хочу.

– Себе помоги, психованная.

Новенькая улыбается и смотрит на меня с прищуром. А

потом вдруг чуть морщится и говорит:

– Так больно тебе, фонит сильно.

Все нутро на секунду как будто костлявой рукой схватывает. Отшатываюсь и смотрю на нее недоверчиво. Тут же сама раздражаюсь от этой своей реакции. Да она же просто манипулирует!

Поэтому я показательно закатываю глаза и говорю:

– Вишнякова, не лезь ко мне, а то больно будет тебе. Это ясно?

– Знаешь, как мой дед говорил? Баба бранится – что собака лает.

Я смотрю в ее смеющиеся глаза и достигаю такой степени удивления, что просто развожу руками и спрашиваю:

– Ты чего пристала?

– Да подружиться мы, не чувствуешь?

– Нет! – вырывается у меня нервно. – Не чувствую!

– В столовую идешь?

Я глубоко вдыхаю, а потом так же протяжно выгоняю воздух из легких. Молча разворачиваюсь и ухожу. Это как вообще? Я такую отбитую и навязчивую девчонку первый раз вижу! Тупая боль обхватывает голову обручем. День сегодня вообще ни к черту. Сначала мама, потом Чига, теперь эта ненормальная. Они все меня достать решили?

Я сбегая по ступеням и, маневрируя между школьниками, добираюсь до столовой. Там, естественно, уже выстроилась очередь.

Я пристраиваюсь в хвост и достаю телефон. Листаю какие-то приложения, соцсети. Стараюсь игнорировать то, что Вишнякова стоит позади меня через два человека.

А мы ведь и правда с сентября всем классом ждали новенькую. Увидели ее в списках и обсуждали, кто решил перейти в новую школу в одиннадцатом. И вот, пожалуйста, теперь понятно. Ненормальная цыганка, которую Саня считает жутко симпатичной.

Тру пальцами лоб. Надо же как голова разболелась, нужно как-то успокоиться. Я оглядываюсь по сторонам и ловлю на себе взгляд Макса Назарова. Он тут же улыбается и подмигивает мне. Я склоняю голову на бок и отвечаю ему долгим взглядом. Облизываю губы и поддеваю край футболки, задирая ее чуть выше. Ловлю жадный взгляд Назара на своей коже и вдруг начинаю чувствовать себя лучше. Неосознанно впитав приход от результата своей провокации, я разворачиваюсь к линии раздачи и тут же теряю к Максy интерес. Беру две тарелки каши и два бутерброда с сыром.

– Для Сашки? – спрашивает тетя Маша, наша повариха.

– Да, сейчас подойдет.

– Во дает, девчонку отправил! Заболел, что ли?

– Не, тетя Маш, все в порядке. Сейчас подбежит, – говорю ей с улыбкой и понимаю, что действительно тревожусь.

Подбежит ведь?

Поставив на поднос две кружки с чаем, поднимаю его в воздух, удерживая равновесие.

– Давай сюда, уронишь, – раздается знакомый низкий голос.

Крепкие руки перехватывают у меня поднос, и я смотрю на друга, пытаюсь считать его настроение. Саша обычно не прячется, но сейчас его лицо будто за непроницаемым экраном. От него пахнет сигаретным дымом, но на этот раз я молчу.

Он идет к длинному столу в углу помещения, садится с того края, который пока еще никто не занял. Я молча следую за ним, присаживаюсь рядом, ставлю тарелку с кашей к себе и бормочу:

– Черт, ложки забыла.

– Сиди, я схожу.

Притихнув, остаюсь на месте. Скольжу пальцем по краю тарелки и опускаю его в овсянку так, чтобы она закрыла сначала ноготь, а потом всю фалангу.

– Держи, – говорит Саня, протягивая мне ложку, и я вздрагиваю.

Достаю палец из каши и неуверенно улыбаюсь. С минуту наблюдаю за тем, как друг ест. Сосредоточенно и угрюмо. Нет, это невыносимо.

Я говорю:

– Чига, я нагрубила, извини.

– Все в порядке, – перебивает он.

– Я же вижу, что нет.

– Все нормально, правда. Булка, не первый раз ругаемся.

Ешь, а то не успеем.

Я облизываю указательный палец и берусь за ложку. Саня прав, историк опозданий не терпит, он и так последнее время не в духе. Вроде как от него жена ушла, по крайней мере, так училки болтают. У нас здесь просто хоровод сирых и убогих.

Набиваю рот кашей и поглядываю на Саню. Не знаю, может быть, я и придумала. Может быть, мы просто все тут не в настроении.

Чтобы проверить, спрашиваю:

– У тебя сегодня есть тренировка?

– Да. Посидишь со мной?

Чига отвечает с улыбкой, и я расслабляюсь. Киваю ему:

– Конечно.

И краем глаза вижу, как тонкая рука с черным маникюром кладет что-то на стол рядом с моим локтем. Беру блистер с таблетками, читаю название обезболивающего на обороте и недоуменно смотрю вслед Вишняковой, которая просто уходит. Она что, издевается?

Глава 2

Ксюша

После уроков мы идем в спортзал. Чига скрывается в раздевалке, а я перетаскиваю деревянную скамейку в угол зала и раскладываю свой набор для украшений. Меня сам процесс очень успокаивает, а ожерелья и чокеры я потом продаю. Деньги, конечно, небольшие, но это лучше, чем ничего.

Нанизываю бисер на резинку, про себя проговариваю цвета, которые использую. Замочки не беру, сегодня не хочется заморачиваться, просто делаю чокеры, которые можно надеть через голову.

Иногда поглядываю на поле. Саня уже переоделся в свою черно-красную форму, лениво настучивает мяч, болтая со Смольниковым. Потом потихоньку приходят пацаны из сборной школы по баскетболу, некоторые подходят ко мне поздороваться. Я почти всегда жду тут Чигу, они все ко мне привыкли. Их тренер тоже давно смирился с моим пребыванием на тренировках и даже иногда беззлобно подкалывает меня. Называет Саню моим мужем. Вообще Вовчик, как ребята его зовут, хороший парень, мне даже не хочется огрызаться, и я обычно просто посмеиваюсь над его шутками в

мой адрес.

Когда тренировка заканчивается, Чига переодевается и подходит ко мне. Я поднимаю голову от украшений и разминаю затекшую шею.

Он говорит:

– Давай помогу.

Ловкими движениями проходится по мышцам в тех местах, где болит сильнее всего. Я прикрываю веки и глубоко вздыхаю. Приятно. Руки теплые, движения в меру жесткие, а иногда очень нежные.

Распахнув глаза, чуть отстраняюсь:

– Спасибо, так намного лучше.

– Домой?

– Да, идем.

По пути болтаем, как обычно. Саня снова рассказывает мне про кино, параллельно скидывая в наш чат названия того, что я должна посмотреть. Я окончательно отпускаю наш дурацкий сегодняшний конфликт. Хорошо, когда он рядом. Я без Саши свою жизнь просто не представляю.

Смотрю на то, как увлеченно он говорит, какая живая у него мимика. И очень красивые губы.

Некстати вспоминаю, как восторженно о них отзывалась Катюша. Катерина, чтоб ее, Белкина. Белокурое чудо, которое делает гадости так искренне, что даже злиться на нее не получается. Подловила меня в женской раздевалке после физры, сделала вид, что забыла там браслет. И в красках рас-

сказала, как они с Чигой закрылись в ванной у Смольникова. Там уж я выслушала и про его губы, и про все остальное. И с чего он взял, что она будет держать язык за зубами? Катюше он давно нравится, и она ко мне, видимо, ревнует. В принципе, это понятно. Девчонок вокруг Сани много, а лучший друг только один, и это я.

– А? – переспрашиваю рассеянно.

– Они последнюю серию пересняли, – повторяет Саня терпеливо, – прямо в процессе, прикинь! Но там оба варианта в сеть утекли все равно.

– Он грустный? – уточняю.

– Ну есть немного.

– Не буду тогда смотреть, не хочется плакать.

– Ксю, ну ты чего! Это крутое кино! Иногда нужно поплакать, чтобы получить что-то более классное.

– Как в жизни? – спрашиваю, когда останавливаемся у моего подъезда.

Он кивает:

– Как в жизни.

И смотрит мне в глаза пристально, смотрит, смотрит. Я чувствую, как сыплюсь. Как будто жутко хочется разрыдаться и просить у Саши утешения, но причин для этого нет.

Отворачиваюсь, хмыкаю.

Говорю:

– Ладно, Чига, уговорил. Посмотрю. Тогда пока?

– Спишемся. Да ведь?

Я возвращаюсь глазами к лицу друга и вижу на нем странное исступление. Всматриваюсь, впитывая каждое движение нахмуренных бровей.

Произношу весело:

– Конечно. Напишу тебе, когда буду рыдать над сериалом.

Он наклоняется и прижимается губами к моей щеке. Я чуть подаюсь ему навстречу, задерживая дыхание. Фиксирую этот мягкий будничный контакт. Делаю шаг назад и говорю:

– Сань, ты мой лучший друг. Я бы без тебя не выжила.

Он берет меня за руку и коротко сжимает ладонь. Улыбается мне. Так знакомо и так спокойно. Говорит:

– Вместе навсегда, Булка.

– Вместе навсегда, – подтверждаю я.

Машу ему рукой и бегу в подъезд. Прикладываю ключ к домофону и захожу.

Поднимаюсь на последний этаж, открываю дверь и первым делом окидываю взглядом пол в прихожей. Ботинок мамино, с позволения сказать, парня – нет, значит он не у нас. Я облегченно перевожу дыхание.

– Привет, Ксюш! – кричит мама с кухни.

Я разубаюсь, прохожу к ней и останавливаюсь в дверях. Смотрю, как она споласкивает кружку, ставит ее в шкаф. Короткие шорты, домашний топ, высветленные волосы, собранные в косу. Тяну носом воздух и ясно слышу запах табака.

Спрашиваю:

– Ты курила?

– Нет! – отвечает слишком поспешно.

Меня это только злит. Она реально меня за идиотку держит? Мне же не десять лет. Я кривлю губы и смотрю на нее, не моргая.

Мама пожимает плечами и делает попытку перевести тему:

– Как в школе дела?

– Супер.

– Да, так я и поверила, – смеется, переключая канал на маленьком телевизоре.

– А че спрашиваешь тогда, раз на все свое мнение есть?

– Ксюш, не зарывайся, а? Нет сил с тобой бороться, ток-сикоз мучает.

– А до этого у тебя какое оправдание было?

– Ксюша!

Я разворачиваюсь и ухожу, на ходу бросая:

– У Антона завтра день рождения, хоть позвони поздравить ребенка.

– Без сопливых разберусь! – кричит она мне в спину, и слышу, как швыряет пульт на стол.

– И не кури! – ору перед тем, как захлопнуть дверь.

Я падаю на кровать и утыкаюсь лицом в подушку. Слава богу, эта комната пока еще моя. А то Лешка-звездочет, как зовет его Чига, уже предлагал поменяться спальнями. Боюсь,

скоро мама согласится.

Телефон в кармане вибрирует, и я достаю его, щурясь на светлый экран.

ЧИГАРЕВ АЛЕКСАНДР:

Я бы без тебя тоже не выжил, Ксю.

Глава 3

Саша

Щурюсь от дыма, попавшего в глаза. Рукой разгоняю сизые клубы перед лицом. Глубоко затягиваюсь, вместе с дымом вдыхая холодный воздух. Задираю голову в темное небо, там не видно ни одной звезды, все затянуто такими же мутными, как сигаретный дым, облаками.

Забираюсь на спинку скамейки и, зажав сигарету губами, сую руки в карманы. Холодно, просто жечь.

Слышу, как за спиной открывается тяжелая железная дверь, и раздается возмущенный женский голос:

– Сашка, паразит, опять сидишь не по-человечески!

Я разворачиваюсь и, выпустив струю дыма вбок, широко улыбаюсь:

– Теть Оль, да тут я один сижу вечно, хоть раз видели, чтоб эта лавка кому-то другому понадобилась?

– Ты мне зубы не заговаривай, слазь давай.

Слушаюсь и выкидываю сигарету в урну, обтерев тлеющий край о каменные края. Шмыгаю носом и выжидающе смотрю на тучную женщину, которая хмурится, но все равно выглядит самым добрым человеком в мире.

Спрашиваю:

– Есть что для меня?

Она кивает через плечо:

– Зайди.

Взбегаю на небольшое крыльцо и юркаю за тетей Олей в темный предбанник с одной тусклой лампочкой. Старательно вытираю ноги о коврик, иду по коридору в подсобку, забитую коробками. Пухлой рукой она указывает на те, которые стоят отдельно.

Говорит:

– Эти можешь забрать.

Киваю, скидываю с плеча рюкзак, начинаю складывать туда пакеты молока.

– Завтра машина придет?

– Да, в семь тридцать.

– А кто привезет?

Кричу:

– Мам, я дома!

Разуваюсь, вешаю куртку в шкаф, и только тогда мама выходит из комнаты.

Кутается в плед и шурится на люстру в коридоре:

– Что-то я будильник проспала.

– Не опоздаешь?

– Да нет, прибраться просто хотела перед выходом, – она подходит и целует меня в щеку, резюмируя, – холодный. Это что, тетю Олю опять ограбил?

– Никого я не граблю, сама отдает.

– Оттащи на балкон, я потом разберу. Есть будешь?

– Давай.

– И руки помой!

Когда возвращаюсь на нашу маленькую кухню, на столе уже стоит тарелка супа. Мама зевает и достает из ящика ложку:

– Свекла уже на последнем издыхании была, пришлось борщ сварить.

– Да мне пофиг, что есть.

Она смеется, насыпая в кружку сразу три ложки растворимого кофе. Качает головой:

– Ну да, зато не пофиг, сколько.

– Растущий организм, – отвечаю с набитым ртом.

Мама наливает себе кипяток, ставит кружку на стол. Чуть помешкав, подходит ко мне и прижимает мою голову к своему животу. Я замираю, даже жевать перестаю. Она гладит меня, прочесывая длинные волосы пальцами.

Говорит тихо:

– Хотелось бы тебя вырастить так, чтобы ты был привередой.

Отпускает меня и садится напротив. Дует на кофе.

Я говорю:

– Я и так привереда. Ненавижу все эти креветки, устрицы... что там еще, тартар.

– Фу-у-у, – морщится мама, – то ли дело борщ и пюре

детские.

– Яблочное обожаю!

Смеемся с ней вместе.

– У Ксюши когда день рождения?

– В декабре, в конце.

– Добавить тебе на подарок?

Смотрю в ее уставшее лицо. Мама молодая, очень рано меня родила, если бы она не работала в ночные смены, то выглядела бы вообще как девчонка.

Говорю:

– Не надо, мам.

Она легко качает головой, поджав губы, но молчит. Я доедаю, ставлю тарелку в раковину. Вытерев губы ладонью, целую ее в лоб.

– Варвар! – кричит она со смехом. – Полотенце же есть!

– Полотенце для лохов.

Иду к себе, а мама говорит мне вслед:

– Я там носки тебе на диван положила чистые, разбери на пары, я ни черта в них не понимаю.

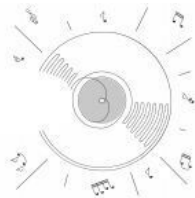
Хмыкаю. У меня куча носков с разными надписями и картинками, Булка троллит меня, на каждый праздник мне их дарит.

Сажусь на диван рядом с горой носков и включаю свой старенький ноут. Открываю страницу Ксюхи, она онлайн. Бегло просматриваю ее последние фотки. Половина из них со мной. Скидываю ей новую песню и сам нажимаю на кноп-

ку «слушать», чтобы она играла одновременно у меня и у Ксю. Дохожу до строчек «Не противно мне, не больно, не жалко потратить на тебя последний день, я бы потратил на тебя всю жизнь, но как потратить, если жизни нет?», и на экране всплывает сообщение.

LeanTe - Кумана

Войнова Ксения:

Очень нравится...

ЧИГАРЕВ АЛЕКСАНДР:

А сериал?

Первая серия done

Пока не рыдала?

Нет, но вайб у него жесткий. Видимо, придется

Пиши, утешу.
Девушки в моменты слабости — мой профиль

Ахахах

Ну ты и варвар, Чига

Открываю фото, которое отправила Ксю. На нем раскрытый ноутбук у нее на коленях, на экране тот сериал, о котором я ей говорил. Но я смотрю только на острую коленку, которую видно сбоку. Тяжело вдыхаю, затем шумно выдыхаю. Понять никак не могу, она же не дура, неужели не видит?

Сколько ждать-то тебя еще надо, Ксюша? Сколько?

Все еще застыв взглядом на фотографии, тяжело сглатываю. Зря Ксю шутит про мои гормоны, это действительно непросто.

Привычным усилием воли отвожу взгляд и переключаю внимание на ворох носков, которые так кстати ждут моего участия.

Разбираю по парам, сам бубню себе под нос:

– Огонечки, курочки, эти разные, эти новые, эти бесят меня...

– Ты чего ворчишь? – после короткого стука мама просовывает голову в комнату.

– С носками разговариваю.

– Класс. Передавай от меня привет. Все, родной, я пошла, закройся.

Я провожаю ее на работу, запираю дверь и приваливаюсь к ней спиной. Пару минут стою так, невидящим взглядом уставившись в темноту маминой спальни, из коридора туда ведет просто арка. Почему она не поставила себе дверь? Можно было хотя бы шторку повесить. Мне в комнату она лично

врезала замок и поставила щеколду. Правда, уже после того, как отец ночью пытался вынести нашу микроволновку и разбил мне губу. Классный был подарок на тринадцатилетие.

Тишина квартиры неприятно давит, и я, отлепившись наконец от двери, иду к себе, чтобы включить старый комедийный сериал. Он всегда меня успокаивает и наполняет пространство приятным звуковым фоном.

Заканчиваю с носками, скидываю готовые пары к себе в комод, наскоро принимаю душ. Все это время болтаю с Ксю в чате. Обмениваемся приколами, дурацкими фотками, обсуждаем всякую ерунду.

Когда Войнова засыпает, я еще долго смотрю свой сериал. Смеюсь над сценами, которые видел уже миллион раз. Когда решаю, что уже достаточно поздно, а веки тяжелеют, я проветриваю комнату, выпиваю травяной чай, который мама для меня оставила. Плотно занавешиваю окна и наконец укладываюсь в постель. Убавляю на ноуте яркость экрана до минимума и приглушаю звук, но сериал оставляю. Какое-то время еще смотрю, а потом вырубаюсь.

.. -... .. - ..-... -.- /.- / - .-.- — - / - .. - .

Сновидения поначалу нейтральные, но немного беспокойные. Я то ли куда-то бегу, то ли прячусь, у всех бывает, наверное. Но сердце начинает биться быстрее и тревожнее, кожа покрывается неприятной липкой пленкой. Тут я еще частью сознания понимаю, что сплю. Такое обманчивое ощущение, будто я что-то контролирую.

А потом все резко меняется. Я будто тону. В ярких картинках, страшных звуках. Лица вокруг искаженные. Кто-то кричит надрывно, плачет и как будто захлебывается, омерзительно булькая.

Темнота.

Спасительная или тревожная?

Тишина.

Только сорванное дыхание. Мое собственное?

Странный запах. Как будто мокрая псина.

Кто-то хватается меня за ногу, и я кричу.

– Мама! – ору в реальной жизни, приподнимаясь на локте.

Простынь мокрая, подушка тоже, во рту пересохло, а меня бьет крупная дрожь.

– Мама! – кричу снова.

Сажусь на своем диване и впечатываю ладони в лицо. Все мокрое. Меня все еще колотит, но я заставляю себя замолчать. Мама на работе. Ее здесь нет. А я, долбаный свет, здоровый семнадцатилетний парень. Который опять... опять звал мамочку, потому что испугался ночного кошмара.

Выстанываю в ладони весь свой страх и разочарование.

Потом, не успев отдышаться, поддавшись своей слабости, обшариваю диван в поисках телефона. Простынь сбилась, и я нигде не могу его найти.

Матерюсь охрипшим голосом и наконец вижу смартфон на полу. Хватаю его дрожащей рукой и набираю Ксюше.

– Алло? – отвечает она сонно, но быстро.

– Поговоришь со мной?

– Саша... Плохая ночь?

– Да.

– Мама свалила куда-то с Лешей, хочешь, я приду?

Я отнимаю телефон от уха, смотрю на время. Три ночи.

Говорю:

– Не надо, Булка, поздно уже. Прости, че-то я не подумал.

Ложись спать.

– Чига, блин, каждый раз одно и то же! – Она вздыхает и, судя по звукам, садится. – Твоя мама в ночную?

– Да.

– Обожаю эти поздние звонки за твою необычайную кро-
тость.

Я улыбаюсь:

– Угу.

– Я сейчас приду.

– Ксю, не надо! Серьезно, если заявишься, я тебя не пущу.

Мне уже лучше, правда. Ложись.

– Ладно, – она выдыхает, от чего в динамике шуршит.

– Обещаешь?

– Конечно. Завтра встретимся у пруда.

– Я в молочку забегу, помогу с ящиками, могу опоздать.

– Я подожду.

Слушаю, как она дышит. Подстраиваюсь под ее ритм и сам
успокаиваюсь.

Говорю:

– Тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Саш.

Я сбрасываю звонок и прикладываю телефон ребром ко лбу. Твою же мать.

Каждый раз одно и то же. Зарекался уже и маму звать, и Ксюше звонить. Придурок.

Через какое-то время встаю, сдираю мокрое от пота постельное белье, несю в ванную, закидываю сразу в барабан стиралки. Достāju новый комплект и старательно заправляю.

Когда, запыхавшись, справляюсь с одеялом, звонит домофон.

Вот же упрямая дура! Лечу в коридор и срываю пластиковую трубку:

– Да?!

– Пустите переночевать? – слышу глухое сквозь помехи.

С силой вдавливаю коричневую квадратную кнопку и тру лицо ладонью. Сам виноват. Как будто не знал, что Войновой насрать на все вокруг, кроме собственного мнения.

Открываю дверь и босиком иду по лестнице вниз, ей навстречу. Встретив подругу на втором, молча забираю у нее рюкзак и пакет, беру под локоть и тащу наверх.

– Эй, поаккуратнее!

– Совсем в голову раненая?

– Вот это благодарность!

Завожу ее в квартиру, запираюсь и смотрю на Ксюшу, нахмурившись.

Говорю:

– Я же сказал, ложись спать.

– Да мне пофиг, если честно, Чига. Я твой голос слышала.

Досадливо морщусь. Так хочу быть для нее надежным тылом, а все время сам бегу за помощью.

– Не вздумай больше по нашему району одна ходить, особенно в такое время.

Она скидывает куртку, демонстративно скрещивает пальцы на обеих руках и улыбается:

– Обещаю!

А потом порывисто обнимает меня, прижимается к голой груди холодной щекой. Спустя секунду ловлю короткое неуверенное движение, как будто она ластится. За грудиной все взрывается, а по венам мгновенно растекается что-то горячее. Прижимаю Ксюшу крепче к себе и думаю, что никогда бы не хотел ее отпускать.

Черт, пусть будет моей, хоть когда-нибудь, ну пожалуйста!

Но она тут же отстраняется, смеется. Снимает шапку с металлическими кольцами, кидает на полку в шкафу, поправляет свои ярко-розовые волосы. И только тогда снова смотрит на меня:

– Ты липкий, Сань, иди сполоснись, а я постелю себе.

– Мне, – поправляю автоматически.

– И снова все одно и то же.

– Так и нехрен спорить! – повышаю голос, но только потому, что наконец рассмотрел, что она пришла ко мне прямо

в пижаме. – Одеться не могла нормально?

– А ты? – Ксю скрывается в моей спальне и хлопает дверью.

Нахмурившись, смотрю на себя в зеркало дверцы шкафа. Клетчатые пижамные штаны, голый торс. Как будто я, блин, ждал гостей, что за претензии.

Иду в душ и быстро смываю с себя остатки ночного кошмара. Когда возвращаюсь в спальню, Ксюха уже застелила небольшой матрас на полу и лежит там, уставившись в телефон.

Я говорю:

– Ложись на диван.

– Не, я тут.

Расплывшись в скабресной ухмылке, я быстро укладываюсь рядом с ней:

– Как скажешь!

– Блин, Чига!

Я хохочу и залезаю к ней под одеяло, пока она пищит.

Кричу:

– Это намек, Булка?! Попросила бы сразу!

– Псих ненормальный, – она смеется, заползая на мой диван.

– Сама такая. Вырубай давай свет.

Она шарит рукой по стене, нащупывая выключатель бра и щелкает им. Долго возится, удобно укладываясь. Я же застываю под своим одеялом. С одной стороны, очарованный тем,

что девушка, которую я люблю, так близко. С другой стороны, парализованный опасением, что сон повторится. Долгие годы один и тот же.

Когда Ксю опускает ко мне руку, я вздрагиваю. Она успокаивающе гладит мое плечо и шепчет:

– Ш-ш-ш, это я, Саш. Все хорошо, засыпай.

Нащупывает мою ладонь и крепко ее сжимает. И в ту же секунду я засыпаю.

Глава 4

Ксюша

– Ксю, – слышу над ухом тихий, но настойчивый голос Сани.

Распахиваю глаза, пытаюсь подбить подушку так, чтобы голова была повыше. Чига устраивается на краю дивана и, оперевшись на руки, подается ближе ко мне. Свежий, волосы у висков чуть влажные, улыбается. Еще не успев толком проснуться, снова чувствую что-то странное. Какая-то щекотка в солнечном сплетении. Как будто маленькая рыбка плавает в желудке и задевает меня тонким невесомым хвостом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.